ЛЕГЕНДЫ о «Летающем докторе» и «Чудодее из Тюлячей»

(спринтер Э. Аухадеев)

Спринтеры — это бегуны на короткие дистанции, самые быстрые из бегунов. О них слагают легенды. Одну из них, легенду о «Летающем докторе», слышал я сам.

Старые спортсмены любят вспоминать былое. А многие живут не только воспоминаниями, но продолжают заниматься в клубах для ветеранов. Есть такой клуб любителей бега «Радость» и у работников авиационного завода. По воскресеньям они собираются на стадионе «Рубин», в парке, заложенном еще во времена «Казмашстроя», и совершают совместную пробежку в сосновый лес до Глубокого озера или вокруг Лебяжьего, заходят в сауну-парилку, где отдыхают. Начинаются побасенки «верь — не верь» как всегда, когда собираются старые друзья. Вот и сегодня инженер-самолетостроитель Александр Федотов поведал легенду, похожую на правду.

«Нынче летом отдыхал с семьей в лагере Яльчик. Это озеро в марийских лесах. Чудесные места. Там расположен спортлагерь Казанского педагогического института. Есть там и стадион.

В часы отдыха смотрим, как тренируются спортсмены. Молодые стройные парни. Все как один мощные, быстрые, стройные. Бегуны на короткие дистанции. Оттачивают технику низкого старта. Тут же среди зрителей — доктор спортлагеря. То ли вышел просто из своего кабинета подышать свежим воздухом, то ли специально наблюдает за спортсменами, чтобы быстро помочь в случае надобности.

Ребята уже разогрелись и пару раз пробежали стометровку. Отдыхают. Передышка. Сейчас снова начнут. Тут один из бегунов обратил внимание на врача и решил его приобщить к “живому” спорту:

— Доктор, побежали с нами.

Тот улыбнулся дружелюбно, мол, понимаю твою шутку, и отвечает:

— Куда уж мне, года не те!

Но парень оказался не только веселым, но и навязчивым — не отстает. Игру подхватили товарищи, начали уговаривать пробежаться сообща. Видит доктор, разговор приобретает серьезный оборот, шутка может превратиться в насмешку. Отговаривается: “Что вы, ребята, на самом деле? Я же в рабочей одежде. Вот так, взял да побежал, что ли? У вас вон и туфли спортивные, с шипами”.

Те уже не унимаются: “Одежду вам мы найдем. Все есть, доктор, вот майка и трусы — чистые. И шиповки есть, как раз ваш размер. Пожалуйста, переодевайтесь, мы подождем. Ну как, доктор?” — и ждут, что скажет. Что делать врачу? “Эх, была не была, — махнул рукой, — видно, от вас не отвяжешься. Давайте, побегу, как есть. С высокого старта. На сто метров. Дайте старт!”

Как был, в белом халате, в своих желтых штиблетах, вышел на беговую дорожку. Все по-настоящему. На старт!.. Все встали в ряд. Внимание!.. Марш!..

Но что это?! Доктор мчится впереди, только полы халата, как крылья, развеваются. Парни рвутся за ним. Напряглись, хотят догнать… Куда-а, там! Еще больше отстают.

Финиш. Доктор — первый. Повернулся, смотрит, ребята отстали на метров десять. Подбежали, окружили победителя. Ошарашены. "Доктор, кто вы?.."

Теперь уже победитель скромно шутит, отыгрывается: "Да вы же видите, ребята, я всего лишь врач…" — "А раньше занимались спортом, бегали?" — "В молодости, студентом бегал понемногу". — "Э-э нет, доктор, немногим тут не обойдешься, так не побежишь, — покачивают головой, — как ваша фамилия?".

Тот назвал свою фамилию. А ребята в один голос: "Ну-у, тогда все ясно!"».

— Айда, попаримся еще разок, пошли! — заканчивает рассказчик.

— Постой, Саша, назови все-таки фамилию доктора. Не Аухадеев ли? — напираю я.

— Точно не запомнил, но будто татарская фамилия: то ли — Ахмадеев, то ли Ахметов, может быть, и Аухадеев. В общем, «Летающий доктор». Так и прозвали его все в лагере после этого. Сам уже немолодой, лет пятьдесят, наверное, будет.

Я задумался. Рассказ похож на правду. Все сходится с Эриком Ильясовичем. Наверняка, он. Иначе кто может быть еще?

На улице Островского, напротив бывшего ТЮЗа, есть центр врачебного контроля занимающихся физкультурой и спортом. Иногда захаживаю туда к профессору Аухадееву. В одно из посещений вспомнил ту легенду и спросил об этом его самого. Он подтвердил: «Да, был такой случай. Может, и не на десять метров, но все-таки я их обошел. Парни проиграли метров пятьшесть. Тут дело, пожалуй, не в том, что я очень быстро бежал, а скорее всего, они не ожидали от меня такой прыти и настроились на легкую пробежку», — оправдал он незадачливых студентов. Потом вспомнил и продолжил: «На этом еще не закончили. Ребят, видно, задело за живое, и они решили устроить мне форменный экзамен. Для имитации метания копья на тренировках применяют теннисный мяч. Решили они меня и тут испытать. Кидают, кто на шестьдесят метров, кто дальше. На соревнованиях я участвовал и по метанию копья, потому что наш тренер Митянин обучал и по многоборью. И тут, когда я запустил мяч на восемь-десять метров дальше самого лучшего их броска, парни не стали больше меня "проверять". Даже расстроились. Видно, и желание у них пропало продолжить тренировку. Присмирели как-то и разошлись», — рассказал Эрик о тогдашнем летнем отдыхе в лагере на озере Яльчик.

— И после этого получил ты имя «Летающий доктор»?

— Это, пожалуй, немного излишне, правильнее было бы «бегающий».

— А теперь как? Бегаешь?

— Да, продолжаю. Почти каждое утро пробегаю три-четыре километра. Тихий бег очень полезен для здоровья. Когда утром или вечером после работы побегаю — успокаиваюсь, отдыхаю.

— Раз перешел уже на километры, значит, из спринтера превратился в стайера. Оттуда недалеко и до марафона. Может быть, доктор, и со мной пробежимся, марафон?

— Нет уж, не заманишь. Такому точно не бывать. Мне достаточно и этого.

Да, наверное, Аухадеев марафонцем не станет. Хотя есть и такие среди ветеранов, которые с возрастом перешли с коротких и средних дистанций на более длинные. И пусть быстрейший бегун Татарстана, ставший при своей жизни легендой, станет «марафонцем долголетия». Здоровья ему!

…Впервые я увидел Аухадеева в далеком 1952 г. Успешно сдав вступительные экзамены в Казанский авиационный институт, я стал студентом. До начала занятий оставалось еще некоторое время — пошел гулять по городу, знакомиться. После недолгих раздумий решил заглянуть на стадион «Динамо».

Там было полно народу. Шли соревнования по легкой атлетике. Внимание привлекли прыжки в высоту — стал наблюдать. Планку перелетают, кто как может: один за другим, некоторые сбивают.

«Прыгает Аухадеев, приготовиться Павлову», — раздался голос судьи.

Слегка стряхнув плечами, легкий и стройный паренек делает три-четыре коротких шага и взлетает над планкой. Вместе с легкостью было и какое-то изящество в его движениях. Залюбуешься!

Запомнил его и продолжал наблюдать его выступления на соревнованиях. Позже узнал: сильный спортсмен. Сын знаменитых людей — певицы Галии Кайбицкой и музыканта Ильяса Аухадеева. А потом пришлось и близко познакомиться, когда вместе выступали на соревнованиях. Оба мы

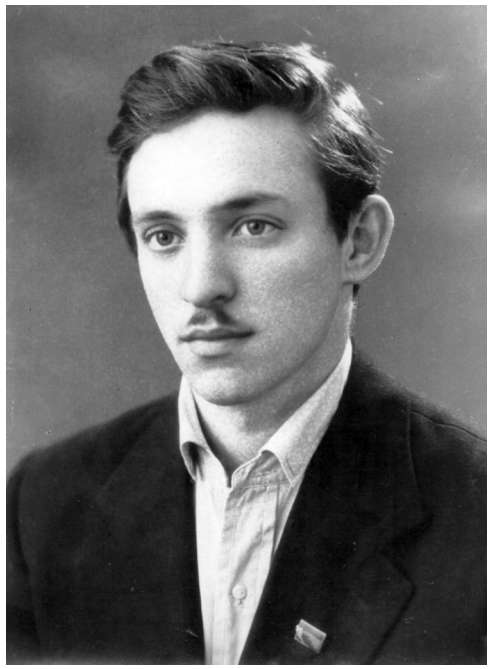
были в сборной команде легкоатлетов Татарстана.

1958 год. Город Горький. Чемпионат РСФСР по легкой атлетике.

Тогда Эрик спешил на дорожке и в жизни: на дорожке — стометровку пробежал быстрее всех, за 10,7 секунды, стал чемпионом России и поторопился домой в Казань, надо было ему защищать курсовую работу по физиологии. Он учился в медицинском институте.

Во время соревнований мы жили в общежитии Горьковского кораблестроительного института. Заглянул в соседнюю комнату: старший тренер команды Митянин и его помощник Муртазин играют в шахматы. Заходит почтальон, у него срочная телеграмма из Казани. Николай Павлович берет, читает и качает головой. Ах, Эрик, Эрик! Надо же такому случиться! Вот, пожалуйста, полюбуйтесь: «Срочно перешлите курсовую работу, оставил в ящике тумбочки». Открывает ящик, там — аккуратная стопка бумаг. «Да, так и есть, спешил на защиту, а защищать нечего! Что будем делать, Ханиф Маратович? Кто у нас свободный или хотя бы менее загружен?».

Подумали, посоветовались и срочно снарядили в Казань гонца с злополучными бумагами, отлегло. К Митянину возвратился его всегдашний юмор: «Будет Эрик профессором, не иначе. Уже задатки есть. Помните анекдот о профессоре, снимающем галоши перед входом в трамвай, так и профессор Аухадеев будет заходить в аудиторию читать лекцию, оставив лекцию в своем кабинете».



Э. Аухадеев. Казань, 1954 г.

Угадал-таки тренер будущее своего ученика. Прозорлив был наставник. Митянин был великим трудягой, родом из Грозного. Стал чемпионом СССР в 1943 г. будучи жителем Горького, а в 1946 г. установил рекорд СССР как казанец.

— Эрик Ильясович, ты близко знал своего тренера, что за человек Митянин?

— Да, он был порой резок. Мог прямолинейно высказать любому то, что он о нем думает. Сидел и в тюрьме, среди политических. Видно, сболтнул где-то лишнее, вот его и прихватили. По-моему, он был чеченец. Бесстрашный. Рассказывал мне случай: сидели они как-то в разных лодках, политические и уголовники. Гребец тех подвел свою лодку поближе и начал толкать веслом «интеллигентиков», то одного, то другого — любили они поиздеваться над слабаками. Митянин изловчился, ухватил весло обидчика и несколькими ударами сшиб всех уголовников в воду. Часто приходилось ему заступаться за политических собратьев-узников…

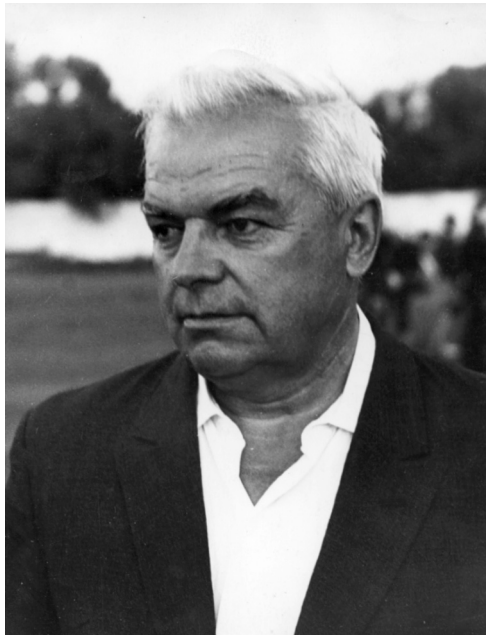
Без тренера Митянина не был бы Аухадеев звездой спорта первой величины. Он выиграл подряд два чемпионата России в 1958 и в 1959 гг. Его рекорд в беге на сто метров — 10,4 секунды — лишь на одну десятую секунды уступал всесоюзному рекорду Николая Политико и был всего на две десятых хуже мирового, установленного легендарным Джесси Оуэнсом до войны на Берлинской олимпиаде 1936 г.

Признаюсь также, что без Николая Павловича и я не стал бы мастером марафонского бега. Когда в 1952 г. поступил в КАИ, нашим преподавателем по физкультуре был Митянин. Затем он стал старшим тренером сборной по Татарстану, привлек меня к крупным соревнованиям.

Он жил спортом в полном смысле слова. На стадионе «Динамо», в дальнем левом углу от входа, он занимал деревянную избушку-караулку. Его семья состояла из четырех человек: он сам, жена и две дочери. А «сыном» ему был Эрик. Учитель души не чаял в ученике. Занимался с ним сколько нужно и когда угодно.

* * *

«Я очень любила своего младшего — сына Эрика, — призналась как-то в одном из интервью Галия Кайбицкая. — Жалела его оторвать от груди и кормила до двух с половиной лет. Однажды из-за этого даже получился конфуз. Молока у меня было



Н. П. Митянин. Казань, 1957 г.

много. Эрика брала с собой на репетиции. Я на сцене, а сын за кулисами. Девчата, молодые актрисы, тоже любили его и забавляли. И вот чувствую, пришло время кормить, а перерыва все нет. Не получается что-то с песней. Режиссер недоволен. Не могу взять нужную ноту — он настаивает. Поднатужилась, одолела высокую ноту и почувствовала, как из груди брызнула струя. Думала, сама только заметила. Нет, влажная полоса появилась на платье. Тут и режиссер как-то смутился, смягчился и говорит: "Ну, иди-иди, накорми сына, перерыв". Так и рос он в театре. Сын театра».

— Эрик Ильясович, кстати, какова настоящая фамилия твоей матери, Галии апы? Кайбицкая ведь псевдоним.

— Ее девичья фамилия — Тухватуллина. Отчество — Мотыйгулловна. Так вот, я расскажу о моем деде Мотыйгулле, потому что по любознательности я пошел, видно, в него — все мне было интересно. Хотел все понять, всему найти объяснение, потому очень много читал, ходил в Ленинскую библиотеку Казани, где был самым читающим человеком. В абонементном отделе мне так и сказали.

Мотыйгулла в шесть лет знал Коран наизусть. Его отец — Тухватулла был муллой деревни Кайбыч. Удивленные и очарованные познаниями мальчика односельчане собрались на сход и предложили мулле послать сына учиться в Египет за счет деревни. С девятилетнего возраста, в течение десяти лет, Мотыйгулла учился в Каире, окончил высшую мусульманскую школу — Духовную академию. И далее так увлекся учением, что слушал лекции в университетах Парижа, Лондона и Берлина. Естественно, усвоил французский, английский и немецкий языки. Вернувшись в Россию, подался в Уральск. Тогда этот город был центром мусульманского духовенства. Сначала его приняли хорошо, разрешили и помогли открыть свое медресе «Мотыйгия». Желающих учиться у него набралось много. Избрали Мотыйгуллу имам-хатибом Уральска. Изучали в «Мотыйгии» религиозные каноны и светские науки. Консервативно настроенные муллы начали роптать: к чему в медресе суетные мирские познания? Простит ли это Аллах? Дальше — больше, упреки, угрозы и даже поджоги, клеветнические жалобы, челобитные в Петербург. В итоге лишили деда Мотыйгуллу не только всех духовных званий, но и свободы, посадив в Петропавловскую крепость. Но все-таки друзей, влиятельных сторонников оказалось достаточно, освободили. Вернули все. Бабай мой продолжил свое дело. И сына своего Камиля направил по своим стопам учиться в Каир. Это мой дядя по матери — Камиль Мотыйгый, вернувшись в Уральск, женился, получил крупную сумму приданого. Посоветовавшись с отцом, и с согласия жены Зарифы основал издательство и начал выпускать журналы на татарском языке «Эльгасрелжадид» и «Уклар». С ним сотрудничал и Габдулла Тукай.

Там же, в Уральске, родилась и моя будущая мама, дочь Мотыйгуллы и младшая сестра Камиля Мотыйгый. Это было в 1905 г. Дальше Первая русская революция. Ну, это мы пропустим, не наш разговор.

— А все-таки, Эрик, почему ты — сын служителей муз, занялся не скрипкой или пением, а увлекся спортом, и дальше еще более удалился от профессии родителей — ушел в медицину?

— Родители меня не только любили, но и уважали. Ни к чему особо не принуждали. Папа, видимо, хотел видеть во мне скрипача. Посещал я музыкальное училище, но особых способностей, главное, стремления не показал. Не было энтузиазма. Оставили меня в покое. Да и здоровье было слабое. Наверное, пожалели. Но поиграть я любил. Жили мы на улице Профсоюзной: небольшой дворик, летом детвора, все на улице, во дворе. Играли в догонялки и прыгали через веревку. Окреп, наверное, достаточно. Как начал учиться, на летние каникулы уезжал в деревню. И там, на удивление всем

и самому, оказался самым резвым бегуном. Меня не мог догнать никто, а я догонял любого. Попробовали даже обгонять на лошади — не получилось.

Однажды наши прыжки во дворе увидела Нина Николаевна Савощенко — тренер детской спортивной школы «Динамо». Подозвала меня и говорит: «Иди-ка ты на стадион "Динамо", покажись тренеру Митянину». Пошел. Дал он мне задание — прыгать в высоту: «Ну-ка, покажи, что умеешь». Прыгали мы двое — Толя Трофимов и я. Николай Павлович велел ходить на тренировки. Почему-то я не смог и успокоился. Зимой в школе устроили соревнования. По коридору бежали на сорок метров. Мой результат оказался хорошим. Пришел Митянин в школу и пригласил меня на тренировку в спортзал клуба Менжинского. В первый же приход испытал меня во всем. Даже прыгать с шестом заставил. И очень удивился — все результаты оказались хороши. Он тоже мне очень понравился: седовласый, чернобровый. Очень красивый человек. Его взгляд, приятный голос — все произвело чарующее впечатление. С первой же встречи добился какого-то магического воздействия на меня.

Начались соревнования. В первом же году занятий поехали на чемпионат России среди школьников. Каникулы зимы 1954-1955 гг.: в барьерном беге на 110 метров стал чемпионом России, занял третье место по России, такое же по СССР. Летом — соревнования в Ленинграде. Но до них прошли зональные первенства в Куйбышеве. Николай Павлович предупредил: «Эрик, ты должен победить в пяти видах: 100, 200 метров, 110 с барьерами, прыжки в длину и высоту». Я верил в себя и побеждал.

Чемпионат России. Сказал: «Выиграй забег» — выиграл. То же в четвертьфинале и полуфинале. Вышел в финал. Время мое оказалось не лучшее среди стартующих. Первый претендент — Яшкин из Ростова-на-Дону. У него лучший предварительный результат. Он же чемпион прошлого года. Смотрю, мощный парень, высокий, на голову выше меня, сильный бегун.

Когда перед стартом пришивали нагрудной номер, Николай Павлович сказал: «Абдурахман! Надо выиграть!». Я ответил: «Ладно, выиграю…». Он почему-то называл меня Абдурахманом. У меня не было никого сомнения в выигрыше. Раз он сказал, значит так и будет, так должно быть. И я был первым.

Чемпион России 1955 г. среди школьников. То же повторилось в беге на 110 метров с барьерами. В Ленинграде на чемпионате СССР в барьерном беге занял третье место. Барьеры — нешуточное дело. Тут одной скоростью не возьмешь. Одного напора не хватает. Надо работать!

В том же 1955 г. состоялась Первая Всесоюзная спартакиада школьников в Киеве. Я — в сборной команде России. Бегу первый этап в эстафете 4 по 100 метров. Выиграли мы. И рекорд СССР установили.

Итак, Эрик Аухадеев — чемпион РСФСР и СССР 1955 г. и рекордсмен Советского Союза.

«И вот, наконец, я оказался среди взрослых. Потешились они надо мной.

Приехал на сборы команды СССР в Леселидзе. Тренер — заслуженный мастер спорта Борис Токарев.

Вышел на стадион, смотрю, группа ребят прыгает тройным с места. Примерил на глазок, вроде слабоваты. Я прыгал около десяти метров, у этих меньше. Подошел и говорю: "Ребята, когда все покажете свои лучшие результаты, позовите и меня, попробую". "Ладно", — говорят и продолжают. Я отошел. Через некоторое время кричат: "Э-эй, иди сюда!..".

Подхожу. Выставили свой знак лучшего прыжка. Смотрю — что-то далековато. Прыгаю сам — около полуметра не дотянул. Вторая попытка — опять не допрыгнул. Правда, чуть подальше, но да отметки не дотянул. Плохо дело! Готовлюсь к третьей попытке. Ребята переглядываются, говорят: "Ну ладно-ладно, хватит, уже показал, все понятно" — и уходят.

Потом узнаю, ребята-то были лучшие прыгуны СССР в тройном — Щербаков, Креер, Михайлов, Горяев... Оказывается, подшутили ребята. Напрыгали до самого дальнего, добавили еще ровно метр и поставили свой флажок. Мой результат был на полметра лучше их истинного.

На другой день на сборах шум стоял. Подошел ко мне десятиборец Юрий Кутенко: "Это ты что ли всех перепрыгнул? Ну ты даешь!" — и представил главному тренеру Союза Николаю Озолину: "Вот он, виновник переполоха среди тройников". Озолин был краток: "Приходи, посмотрю!..". Пришел. Заставил Озолин меня прыгать одного и с разбега. Не люблю без соперников идти на лучший результат. Не очень хороший получился прыжок. Чувствую сам, еще школы не было. К спорту я относился не как к делу, то есть, непрофессионально. Для меня спорт был — игра. Интересная, увлекательная. Но не так, чтобы серьезно, на всю жизнь. По окончании школы отец спросил: "Кем хочешь быть?..". Я, не особенно задумываясь, ответил, что

буду спортсменом. “Оно и видно”, — заметил отец с усмешкой и повертел пальцем у виска. Дальше и разговаривать не стал. Тренировался я больше самостоятельно, в виде игры. На Лебяжьем родители снимали дачу. В те годы шли кинофильмы о Тарзане. Я любил изображать Тарзана. Бегал по лесу с палкой в руке, носился по кустам, оврагам, перепрыгивал канавы, опавшие деревья — делал все, что взбредет в голову.

Изредка Митянин вызывал меня: “Абдурахман, пора тренироваться!”. Это означало — надо готовиться, скоро соревнования.

Привлек он меня к спорту, но попридерживал. На комсомольском собрании сборной команды страны обсуждался вопрос о кандидатах на Олимпийские игры. Озолин сказал: “Единственный бесспорный кандидат — это Аухадеев из Казани”. Митянин возразил: “Его родители не одобряют занятия спортом, определяют в мединститут”. Это было в Киеве в 1955 г. Я заканчивал 10 класс. Тут же начали меня осаждать “сваты”: предлагали МГУ, московский мединститут. Сказал им, что подумаю. Но уже был принят в КГМИ. Потом пришло письмо из Москвы: принят на лечебный факультет, койка в общежитии готова. Митянин пришел домой к отцу и отсоветовал отпускать в Москву. Таким образом, не уехал в Москву, не попал в руки выдающихся тренеров, готовящих выдающихся спортсменов».

— Эрик, я думаю прав был твой наставник, он берег тебя. Не мог допустить, чтобы твое будущее оказалось в опасности. Потому что он хорошо знал мир большого спорта — даже олимпийская медаль не гарантировала успеха в жизни. Слава быстротечна, скоро забывается. Примеров горькой жизни бывших звезд, увы, очень много.

— Да, может быть, и так. На самом деле, у меня не было спортивной злости, желания во чтобы то не стало выигрывать. Бежал я для себя. Перед стартом смотрел — кто рядом. Думал, они, наверное, все сильнее меня и хотят выиграть и не знают, что я выиграю у них. Иногда и жалел кого-то. Искренне хотел, чтобы он выиграл. Так было в 1957 г. в Краснодаре. Стал чемпионом России в беге на 100 метров, а хотел проиграть, честно говорю. Мне 20 лет. Хочется быть мастером спорта. Все-таки молодой, звание «мастер» — престижно. На результат готов, чувствую это. Я уже был в сборе. Подружился с Игорем Боголомовым из Перми. Он — прошлогодний чемпион России. Ему нужно звание мастера спорта СССР для хлеба насущного. Он на пять лет старше меня, заканчивает институт. Будет мастером — будет получать надбавку к зарплате за звание. Игорь мне очень понравился. Здоровый, высокий. Полюбил его как старшего брата. Идем на тренировку — несу его сумку, из уважения. В полуфиналах на 100 метров попали в разные группы, помогаем друг другу. Наблюдаем. Секунданты взаимно. В своем забеге я сделал фальстарт. Плохо дело. Второе замечание — снимут. На повторном старте я перестраховался, засиделся. В финал выходят двое. Я догонял и все же зацепился за второе место. Вышел в финал. Игорь наблюдал. Говорит: «Ты бежишь как черт. Ты сможешь выиграть финал. Мне неудобно перед финалом быть рядом с тобой. Это может повлиять на твой настрой. Давай, пока разойдемся. Будем готовиться врозь». Я знал, что он мечтает быть чемпионом вторично. И хотел, чтобы он выиграл. Он так благородно отстранился.

Финал. Старт. Я — впереди, Игорь — сзади. Торможу бег, чтобы он вышел, обогнал. Но нет, все же он не смог. Второй. Я — чемпион. Хорошо хоть у обоих время одинаковое — 10,4 секунды — мастерский норматив. Для других — абсолютно невероятно, но так я притормаживал…

— Эрик Ильясович, помню репортаж с соревнований на первенство России. Николай Озеров восторженно говорит: «Вот это — да! Лучшие бегуны России собрались разыграть между собой звание чемпиона. Претенденты мощные, азартные, никто без боя не уступит, и каждый имеет свою убедительную карточку, — перечисляет фамилии известные не только в РСФСР, но и прославленные во всесоюзном и мировом масштабе. — Но такого! Никто не ожидал. Со старта первым вырвался и проскочил молнией маленький татарчонок из Казани и финишировал чемпионом России, намного опередив всех мощных молодцов, страстно жаждавших высокого звания. Воистину “Молния из Казани”, не оставил никому никаких надежд. Более чем убедительная победа. Сравните результаты: 10,5 — у победителя и 10,7-10,8 и 10,9 — у его преследователей. Такой бег мы приветствуем! Такой спорт мы любим!».

— Приятно было мне слушать хвалу в твой адрес, но немного покоробили его слова «маленький татарчонок». Не такой уж ты маленький. Какой у тебя рост?

— Метр восемьдесят.

— Ничего себе! Впору батыром на Сабантуе быть.

— Нет, вес маловат. Открою тебе секрет: я родился семимесячным, но «в рубаш-

ке». Хлопот со мной было много. И все взял на себя бабай — дед Ваккас, вложил в свою старую шапку-ушанку, нянчил, кормил посвоему, никого не подпускал, никому не давал, лишь матери, чтобы я привык к ее теплу и научился брать грудь, охранял до «дозревания». И далее берег меня как зеницу ока… Легок был, всего шестьдесят семь. Митянин сказал: «Наберешь семьдесят, будешь мастером». Так и вышло. А деды не слабы были. Сам Ваккас бабай и его отец Аухади иногда выходили на майдан.

В медицину я пошел по совету матери. У нее было много друзей врачей, она очень уважала людей этой профессии. Мою старшую сестру Рушанию она тоже определила в медики, а брат мой, по первому ее мужу Айдарову, Саяр Ситдикович — архитектор, академик…

После окончания института я в 1961-1964 гг. работал главным врачом-хирургом Тюлячинской участковой больницы Сабинского района. В райцентре хирургом был Галиев, окончивший институт ранее. Три года там проработал без единого отпуска и без выходных. Мы дежурили посменно по всему району: делали операции и плановые, и по срочному вызову. Днем и ночью. Ночами даже больше. Днем как-то люди живут поспокойнее. Ночи — более тревожные. Я получил там огромную врачебную практику и жизненный опыт. Каких только операций нам не приходилось делать! От вправления обыкновенного вывиха до операции на сердце от пулевого ранения. Несчастные случаи, травмы от драк, дорожные происшествия. Деревня стоит на пересечении дорог Казань — Арск и Мамадыш — Уфа — на своих и чужих не разделишь. Приходилось спасать людей и в буквальном смысле ценой своей крови. У меня — первая группа. Представь себе, человек умирает от потери крови, а донора нет, не говоря уже о запасе. Как быть? Сначала у меня, у хирурга, берут кровь, потом начинаю делать ему операцию. Однажды пришлось одному и тому же больному дать кровь дважды вечером, перед операцией и утром, когда ему вдруг плохо стало. Отдал ему в течение суток пятьсот граммов — поллитра своей крови, за раз берут — 250 граммов. А я и фамилии не помню этого больного. И скажу, в то время о каких-то подношениях не могло быть и речи, это было исключено. Да что там подношения, положенным не могли воспользоваться. В 1962 г. меня как лучшего донора района наградили бесплатной путевкой. Предстоял круиз по Волге, но замены нет. Глаз сомкнуть некогда: одних кесаревых сечений сделал двенадцать. Человек умер — признаков жизни нет, приподнял за ноги, потряс, и, о чудо, — ожил. Стали верить как в бога. Приехали за пятнадцать километров на санях с тулупом, молят: «Доктор, умер брат, а может, не умер еще — оживи, если скажешь “умер” — похороним с чистой совестью» — пришлось ехать. В зимнюю стужу в тулупе, два

Сборная команда КГПИ. Э. Аухадеев (второй ряд, крайний справа). Казань, 1967 г.

часа туда, два — обратно, не отказывать же людям в час скорби. Шла молва: «Доктор из Тюлячей оживляет мертвых». Стало невозможно ходить на рынок: хочешь что-то купить — денег не берут. Говорят: «Доктор, бери, пожалуйста, бесплатно. Почту за честь, но не плати — не возьму».

Была тяжелая, но интересная работа, благодарные люди, тянуло в науку. Особенно увлек своим разговорами физиолог Амиров. Ты ведь его знаешь?

— Да, Лев Гизевич — бывший марафонец, вместе бегали с Левой, красноречив.

— Профессор Осман Курмаев предложил заняться изучением работы сердца. Это меня особенно интересовало. Так, перешел от хирургии к физиологии, к реабилитологии, к психологии. Открыл неизведанный мир, убедился в совершенно неограниченных возможностях человека, невероятных резервах его организма. Я убежден, что мы используем не более одной десятой доли из того, что в нас заложено природой. Вот, посмотри, как обновлялись наши рекорды в легкой атлетике. Что считалось ранее на грани возможного, теперь обычный, средний результат. Чтобы перейти через «невозможное», нужно убедиться, что это возможно. Я убеждаю себя… Это — главное! Будучи на медицинской практике в Сарманове, бегал на тренировки в поле. По пути нужно было перейти овраг шириной около шести метров, глубиной 2-2,5 метра, на дне — ручей. Хотел перепрыгнуть — страшно, хотя на стадионе я прыгал и более семи метров. Тут боюсь, не могу себя заставить. Скоро соревнования, готовлюсь выполнить в беге норму мастера спорта. Решил убедить себя: перепрыгну через овраг — буду мастером. Отошел метров на двадцать, разбежался и перелетел. Одолел страх и правда стал мастером. У меня была полная уверенность в этом.

Я уверен, любого инвалида могу поставить на ноги. Лишь надо, чтобы он сам верил. Есть принцип «Credo ut intellegam» — «Верую, чтобы познать». И я подошел к нему через спорт и медицину. Все больше удивляюсь, как мало мы достигли. Моя работа — оживлять тело и душу человека, восстанавливать его полноценную жизнь. Испытал на себе: два года не мог завершить докторскую диссертацию… Читал, что древние философы и математики писали труды, отрешившись от всего… Три недели работал без сна, отдыха и еды… Выдержал! Диссертация готова. Подредактировал, защитился…

Э. Аухадеев. Казань, 1967 г.

Есть у меня последователи-единомышленники. Александр Прохоров — штангист. Я бегал наибольшую дистанцию — 1 500 метров в десятиборье, кстати, повторил рекорд нашего Колчина по России. Решили с Александром пробежать вокруг озера Яльчик — это 38 км. Какие адские муки мы выдержали, не передать... у друга сочилась кровь с обеих ног, сверху до колена — натер бедра… Поверил я в себя — побежал один из деревни Кызыл Байрак на 25 километров и обратно, одолел полсотни. Больше твоего марафона! В летнюю жару, без отдыха и еды, веришь?..

— Верю, Эрик Ильясович, потому думаю, твое кредо… нужно для спорта немного переиначить: «Верую, чтобы побеждать!».

Профессор Аухадеев верит, познает, побеждает!

А легенды о «Летающем докторе», «Молнии из Казани», «Чудодее из Тюлячей» будут передаваться из поколения в поколение.

Фото из личного архива Э. Аухадеева.

Камиль Мухтаров,
мастер спорта СССР международного класса